

Аркадий Бухов. Что вспоминается

...Лет десять подряд за Аверченко ходили по пятам добровольные шпионы общественности и все время допытывались:

- Какого он направления?

Это ему бесконечно надоедало. Теперь, когда каждый хам, далеко не со светлым прошлым, да и еще с довольно подозрительным настоящим, может залезть в душу к каждому писателю и требовать его политического паспорта - отгрызаться довольно трудно. Но тогда, когда расцветал Аверченко, когда от писателя требовался только талант, яркость и сочность - тогда от Аверченко отлетала вся мелкопробная шушера, пробовавшая прицепить ему ярлычок своего лагеря.

Однажды при мне один из маститых критиков, много пишущий, никем не читаемый, но сохраняющий авторитет благодаря своей высокосторжественной и солидной глупости, спросил его:

- Скажите, Аверченко, - какого вы направления?

Арк. Тим. Вдруг покраснел и заикаясь - обычное явление, когда он волновался - ответил:

- По отношению к вам и другим, лезущим с такими вопросами - совершенно обратного.

Это не только шутка. В этом была вся, так сказать, "общественная душа" Аверченко. Он органически, всем пылом здоровой души и спокойного ума ненавидел всех, кто пытался связать ему язык и мысль.

Поэтому-то для Аверченко было естественно все то, что по отношению к другому показалось бы игрой или рисовкой.

Помню два таких одновременных случая. Хоронили старика Суворина. На похоронах было много народа, но из писателей прогрессивного лагеря было всего двое-трое, и среди них Аверченко.

Нашелся блюститель нравов в лице Иорданского (тогда меньшевик, потом монархист, потом оборонец, теперь полпред), который печатно упрекнул Аверченко в этом.

Аверченко ответил ему в "Сатириконе":

- На похоронах был, не отрекаюсь. Для вашего утешения могу сказать, что на ваших похоронах буду с еще большим удовольствием.

Одновременно с этим Аверченко пригласили во дворец, прочесть на придворном концерте, в присутствии царя, какой-нибудь из своих рассказов. Аверченко отказался наотрез и в шуточной форме сказал заехавшему с приглашением чиновнику:

- Постоянным придворным чтецом я все равно не останусь, а на один раз не стоит.

И опять, повторяю, это не было рисовкой. Суворина проводить - можно: талантливый был человек. К царю идти читать? Но ведь это же обяжет к двум-трем часам глупого состояния в придворной атмосфере - а зачем это писателю, который может лучше провести время в приятельской компании?

* * *

Аверченко вел "Сатирикон" в том направлении, какое без всяких оговорок можно было назвать истинно прогрессивным: удары наносились им и вправо и влево всякой пошлости и глупости, каким бы флагом она не прикрывалась.

Все эти знаменитые Гулькины, Тимошкины и другие черносотенные клоуны в Думе так "обхамливались" (любимое его словечко) Аверченко в фельетонах "Сатирикона", что им становилось стыдно появляться на трибуне. Когда началась чехарда в кабинете Коковцева, на первой странице "Сатирикона" появилась карикатура: стоит Коковцев, внимательно всматриваясь в своего собеседника, и говорит:

- Скажите, молодой человек, мне ваше лицо очень знакомо: не были ли вы министром в моем кабинете?

Тогда все это было возможно - даже с риском нарваться на штраф и Аверченко шел этой линией не для рисовки левизной, а просто потому, что это было прекрасной темой. И тут же, попутно, о марксистском критике Фриче (ныне благоденствующем в СССР) писал, что он необходим для изготовления простокваши: взглянет на молоко и оно киснет.

Чем ему платили за это? Уважением и любовью: все побеждала сила действительно искренней и слишком яркой и сочной шутки.

* * *

Конечно, у Аверченко были и враги. Старые дамы с толстыми рукописями, почтово-телеграфные чиновники с историческими поэмами, девицы без стихов, но с жадной литературной протекции - все это осаждало жизнерадостного, приветливого Аверченко и доводило его до такого состояния, что он должен